

Глава X

Через два дня я приехала в Нью-Йорк — полицейский судья отпустил меня, запретив возвращаться в город. Пришло письмо от Саши; из мелких, но разборчивых строчек передо мной сложилась вся картина суда. Саша сообщал, что несколько раз пытался узнать, на какой день назначено заседание, но так и не добился ответа. Утром 19-го числа ему внезапно приказали собираться. Саша едва успел захватить листочки с подготовленной речью. В зале суда он искал взглядом друзей, но безуспешно: его окружали сплошь чужие, враждебные лица. Он понял, что и мы не узнали даты суда, и всё же продолжал надеяться на чудо. Чуда не произошло. Из одного эпизода было раздуто обвинение на шесть пунктов, среди прочего признавался доказанным и умысел в покушении на убийство помощника Фрика, Джона Лейшмана. Саша заявил, что ничего не знал о Лейшмане и собирался убить только Фрика. Он потребовал, чтобы его судили только по данному эпизоду, а другие обвинения сняли, поскольку они все входят в основное. Но его ходатайство не удовлетворили.

Присяжных выбрали очень быстро, и права на отвод Саше не предоставили — да и что бы оно изменило? Исход процесса был уже очевиден. Саша заявил суду, что не будет унижаться до оправдания своего поступка и хочет лишь пояснить его значение. Однако назначенный переводчик начинал говорить, ещё не дослушав Сашу, и передавал смысл неверно. Тщетно Саша пытался поправить его: вскоре он с ужасом понял, что переводчик попросту слеп — слеп, как всё американское правосудие! Саша даже было попробовал обратиться к присяжным на английском, но судья Мак-Кланг тотчас прервал его, заявив, что «довольно и уже сказанного». Саша протестовал, но впустую. Окружной прокурор подошёл к скамье присяжных и тихо переговорил с ними: они тут же вынесли обвинительный приговор, даже не удалившись предварительно на совещание. Речь судьи была краткой и обличительной. Прозвучали отдельные приговоры по каждому пункту обвинения (включая целых три «вхождения в помещение с преступным замыслом»). Везде Саша получил максимальные сроки. В итоге его ждало двадцать два года тюрьмы в западном исправительном учреждении Пенсильвании. И дополнительно — один год в окружном работном доме Аллегени за «тайное ношение оружия», уже после отбытия основного срока.

Двадцать два года — ежедневная, медленная, невыносимая смерть! Саша считал, что с честью исполнил свой долг. Подошёл конец. Теперь он должен был умереть, как и запланировал, — но по своей воле, от своей руки. Он не хотел, чтобы его умертвил враг: тогда цена покушения сошла бы на нет. Саша просил меня больше не помогать ему, а лишь и дальше объяснять смысл акции нашим товарищам. Он был уверен, что никто другой не понимает и не чувствует его мотивы так же хорошо, как я. В конце письма Саша признавался, что очень скучает по мне: «Если бы только можно было ещё раз заглянуть тебе в глаза, прижать к груди... но мне отказано в свиданиях. Остаётся только думать о тебе — моей подруге, моей соратнице. И никакая сила в мире не сможет отнять у меня эти мысли».

Я почувствовала, что Саша вознёсся духом над земной суетой. Мои смутные мысли теперь словно осветила путеводная звезда. Да, на свете есть нечто большее, чем личная привязанность или даже любовь — это всеобъемлющая преданность до последнего вздоха.

Ужасный приговор, вынесенный Саше, побудил Моста обрушиться в Freiheit с жёсткой критикой на пенсильванские суды и преступного судью: мыслимо ли, человека приговорили к двадцати двум годам, хотя по закону тут предусматривается не более семи лет! После этой статьи я ещё больше возненавидела Моста: не он ли сделал всё для того, чтобы истолковать превратно Сашин поступок? Я была уверена, что Сашу не посмели бы посадить в тюрьму по ложным обвинениям, если бы радикальные силы единым фронтом выступили в его защиту, и потому Мост ещё более повинен в бесчеловечном приговоре, чем даже суд штата Пенсильвания.

Но всё же у Саши были друзья, доказавшие свою верность с самого начала — и вот уже две группы организовывали кампанию за смягчение приговора. В группе Ист-Сайда состояли представители разных социальных слоёв, в том числе рабочие и ведущие еврейские социалисты. Среди них были и старый русский революционер Михаил Заметкин, и Льюис Миллер — энергичный мужчина, имевший влияние в гетто. Особенно ревностно взялся за дело Исаак Гурвич, сравнительно недавно приехавший в Америку после сибирской ссылки. Помогал и Шевич — всё это время в газете Volkszeitung, где он был главным редактором, появлялись материалы в Сашину защиту. Нельзя забыть и о нашем друге Золотарёве, Анне Неттер, молодом Михаэле Коне... Таков был примерный круг лиц, наиболее активных в ист-сайдской группе.

Движущей силой американской группы стал Дайер Лам — человек исключительных способностей, поэт и писатель, философ, экономист. Его союзниками были Джон Эдельман — талантливый архитектор и публицист, Уильям Оуэн — англичанин с незаурядным литературным дарованием, а также известный немецкий анархист Юстус Шваб.

Эта подлинная солидарность в защите не могла не греть надеждой мою душу. Я рассказывала Саше обо всех наших усилиях, описывала их в самых ярких красках, чтобы хоть как-то ободрить его. Но все попытки смягчить его приговор были тщетны: мой любимый по-прежнему был накрепко зажат в тисках двадцатидвухлетнего срока. «Нет необходимости стараться, — писал он. — Чтобы смягчить приговор, нужны годы, а я знаю, что ни Фрик, ни Карнеги этого никогда не допустят. Совет по помилованию в Пенсильвании и пальцем не пошевелит без их одобрения. Да я и сам не продержусь долго в этой могиле». Но я неумолимо продолжала бороться, не позволяя себе впасть в уныние от удручающего тона писем. Я знала, как непреклонен мой Саша — он обязательно воспрянет духом и не позволит себя растоптать. Только эта надежда и придавала мне сил. Я присоединилась к заново организованной кампании по защите, и вечер за вечером на собраниях объясняла смысл Сашиного поступка.

В начале ноября в Сашиных письмах появились первые признаки возрождения интереса к жизни. Теперь ему полагалось одно свидание в месяц, но только с кем-то из близких родственников — и вот он просил меня сообщить об этом его сестре в Россию. Я поняла, что он имеет в виду под этим, и сразу же написала, чтобы он получал разрешение.

Меня приглашали выступить в Чикаго и Сент-Луис на грядущей годовщине событий 11 ноября, и я решила совместить поездку со свиданием — притвориться Сашиной замужней сестрой по фамилии Нидерман. Я была уверена, что тюремная администрация не располагает подробными сведениями о Сашиной сестре, и меня не разоблачат. Эмму Гольдман тогда знали мало, а на всех имевшихся газетных фотографиях даже я не могла узнать себя. Увидеть моего мальчика, обнять его, подарить ему надежду и мужество — только этими надеждами я жила теперь все дни.

Шла лихорадочная подготовка к отъезду. Первая остановка — Сент-Луис, потом Чикаго и, наконец, Питтсбург... За несколько дней до отъезда пришло письмо от Саши. Внутри я нашла разрешение на свидание 26 ноября от начальника тюрьмы на имя миссис Е. Нидерман, сестры заключённого А-7. Саша просил меня уговорить сестру задержаться в Питтсбурге на два дня: ввиду того, что она проделала такой долгий путь из России, начальник обещал дать ей второе свидание. Я ошалела от радости и с нетерпением отсчитывала каждый час до нашей встречи. Разрешение на свидание стало моим талисманом, с которым я не расставалась ни на секунду.

В День благодарения, ранним утром, я прибыла в Питтсбург. Меня встретили Карл Нольд и Макс Мецков — немецкий товарищ, верный защитник Саши. Нольда и Бауэра отпустили под залог; теперь они ожидали суда за «пособничество в покушении на жизнь Фрика». Некоторое время я переписывалась с Карлом и теперь была несказанно рада увидеть того, кто был так добр к Саше. Он оказался черноволосым молодым человеком небольшого роста, болезненным на вид, но с умными глазами. Мы поздоровались как старые друзья.

Вечером мы с Мецковым отправились в Аллегени. Мы решили, что Нольду лучше остаться: за ним то и дело следили сыщики — а вдруг они узнают меня раньше, чем я проникну в тюрьму? Мецков остался ждать моего возвращения неподалёку от тюрьмы.

Серое каменное здание, высокие грозные стены, вооружённые охранники, угнетающая тишина зала ожидания, бесконечно тянувшиеся минуты — всё это давило на меня. Напрасно я старалась отбросить тягостные чувства. Наконец раздался суровый голос: «Пройдёмте, миссис Нидерман». Меня провели по извилистым коридорам через несколько железных дверей до маленькой комнаты. Там был Саша, а рядом с ним — высокий охранник.

Первым желанием было подбежать к любимому, расцеловать его, но присутствие охранника сдерживало меня. Тогда Саша сам подошёл ко мне и обнял. Потом он наклонился и поцеловал меня, и я почувствовала, что у меня во рту оказался маленький предмет...

Много недель я ждала этой встречи, тысячи раз прокручивала в голове, как я скажу Саше о своей любви и вечной преданности, о борьбе за освобождение... но всё, что я могла делать теперь — сжимать его руку, смотреть ему в глаза.

Мы начали говорить на нашем любимом русском, но охранник тотчас холодно приказал нам: «Говорить по-английски. Никаких иностранных языков». Рысьи глаза следили за каждым нашим движением, они разбирали слова по нашим губам и, казалось, будто бы забирались к нам в головы, в мысли... Я онемела от страха. Саша тоже молчал; он ухватился за цепочку от

моих часов, словно утопающий за соломинку. Мы не могли выговорить ни слова, но наши глаза говорили друг с другом — об общих страхах, надеждах, желаниях.

Свидание продлилось двадцать минут. Ещё одно объятие, ещё одно касание губ, и — «ваше время истекло». Я прошептала: «Держись! Мужайся!» — и пришла в себя уже только на ступеньках тюрьмы. За спиной захлопнулись железные ворота.

Мне хотелось кричать, выламывать дверь, колотить в неё кулаками... Закрытые ворота будто бы издевательски смотрели на меня. Я побрела вдоль тюремного забора, потом очутилась на улице. Тихонько всхлипывая, я шла туда, где мы условились встретиться с Мецковым. В его присутствии у меня получилось немного успокоиться, и я вспомнила о том предмете, который Саша передал мне при поцелуе. Это был маленький тугой свёрток. Мы зашли в подсобку кафе, и я начала разворачивать обёртку слой за слоем. Наконец обнаружился листок, исписанный Сашиним мелким почерком; каждое слово для меня было как жемчужинка. «Тебе нужно пойти к инспектору Риду, — говорилось в записке, — он обещал дать новое разрешение. Завтра сходи в ювелирный магазин. Я рассчитываю на тебя. Передам ещё одно важное послание тем же путём».

На следующий день я отправилась в магазин Рида. Рядом с блестящими украшениями из серебра и золота моё потрёпанное пальто смотрелось особенно убого. Я спросила, могу ли увидеть мистера Рида, и ко мне вышел тощий, высокий мужчина с губами в ниточку. Он окинул меня тяжёлым взглядом и воскликнул, не дожидаясь, пока я представлюсь ему: «Так вот какая сестра у Беркмана! Да, я обещал помочь со вторым свиданием, но снисхождения Беркман не заслуживает. Он — убийца, он покушался на жизнь истинного христианина». Я сдерживалась из последних сил — это был единственный шанс снова увидеть Сашу. Рид сказал, что позвонит в тюрьму и узнает, когда можно устроить свидание. За ответом я должна была прийти через час.

Во мне зародилось нехорошее предчувствие, что свиданий Саше больше не дадут. Но я всё же вернулась за ответом, как и обещала. Мистер Рид побагровел, едва увидев меня. «Обманщица! — закричал он. — Ты уже была в тюрьме! Пробралась под именем сестры! Здесь такие уловки не пройдут — охранник тебя узнал! Ты — Эмма Гольдман, любовница этого преступника! Никаких больше свиданий. И можешь быть уверена — Беркман не выйдет отсюда живым!»

Он зашёл за стеклянную витрину со столовым серебром. Мне непреодолимо хотелось смести всё оттуда на пол: тарелки, чайники, кувшины, украшения, часы... Я схватила тяжёлый поднос и хотела метнуть его в Рида, но кто-то из служащих оттащил меня и крикнул другому: «Вызывай полицию!» Мертвенно белый от страха Рид остановил служащего. «Не нужно полиции, — сказал он. — Не нужно скандалов. Просто вышвырните её». Работник начал приближаться ко мне, но вдруг замешкался. «Убийца! Трус! — закричала я. — Если ты навредишь Беркману, я убью тебя собственными руками!»

Никто не двинулся. Я вышла прочь и села в конку. Прежде чем вернуться домой, пришлось удостовериться, что за мной нет слежки. Вечером Мецков и Нольд вернулись с работы, и я всё им рассказала. Услышанное встревожило их. Они сокрушались, что я потеряла контроль

над собой — это повредит Саше. Значит, мне нужно срочно уезжать из Питтсбурга, иначе инспектор приставит за мной хвост из сыщиков и арестует. Власти Пенсильвании пытались схватить меня ещё с тех пор, как Саша пытался убить Фрика.

Меня пугала мысль, что из-за моей вспышки гнева теперь пострадает Саша. Но я просто не смогла спокойно слушать угрозы инспектора. «Не выйдет отсюда живым» — это было слишком. Я была уверена, что Саша меня поймёт.

Тёмной ночью мы с Нольдом пошли на вокзал, чтобы сесть на поезд до Нью-Йорка. Сталелитейный завод изрыгал клубы пламени. Они наполняли воздух копотью и дымом и окрашивали возвышенности Аллегени в кроваво-красный цвет. Мы шли мимо мастерских, где человеческие существа — полулюди, полузвери — трудились, как рабы в античные времена. Короткими штанами едва прикрывались их обнажённые тела — в отсвете раскалённого металла они были красными, словно медь. Порой пар от воды, которую выливали на горячий металл, полностью скрывал рабочих, а затем они снова проступали из него, как тени. «Дети ада, — сказала я, — обречённые на вечную преисподнюю — жар и грохот». Саша отдал свою жизнь, чтобы вернуть им радость, но рабы по-прежнему слепы и работают в аду, который сами же выковали. «Их души мертвы, а жизнь проходит в ужасе и вырождении».

Карл рассказал мне то, что узнал о Саше за время пребывания в Питтсбурге. Оказалось, что Сашу подозревал в измене Генри Бауэр — фанатичный сторонник Моста. Тот то и дело предостерегал своего последователя от излишней откровенности с нами и считал, что мы помогаем «этому шпиону Пойкерту». Когда Саша приехал сюда в самый разгар хоумстедских беспорядков, Бауэр уже был враждебно к нему настроен. Генри по секрету сказал Нольду, что проверит Сашину сумку, пока тот будет спать, и, если найдёт что-то подозрительное, убьёт немедленно. Бауэр спал в одной комнате с Сашей с заряженным пистолетом, готовый ответить выстрелом на любое подозрительное движение. А Нольда так поразили Сашино самообладание и прямота, что он окончательно счёл все домыслы Бауэра нелепыми и пытался убедить его, что Мост несправедлив ко всем, кто спорит с ним. Карл больше не верил Ханнесу так безоговорочно.

Рассказ Карла ужаснул меня. А если бы в сумке Саши оказалось что-то «подозрительное» с точки зрения Бауэра?! Слепой ученик Моста попросту застрелил бы моего любимого! А каков Мост? До какой же степени дошло его неприятие Саши, раз он воспользовался столь подлыми методами! Что может вынудить человека совершать такие поступки? Я отхлестала Моста за то, что он возненавидел Сашу. Я сама возненавидела — мужчину, которого когда-то любила, человека, который был моим идеалом. Мне было так больно, неприятно, страшно... Я не могла постичь всё это до конца.

О своём суде Карл упомянул лишь вскользь. Он сказал, что готов оказаться в тюрьме, чтобы хоть как-то помочь Саше выдержать тяжёлое испытание. Верный Карл! Его преданность Саше сблизила нас, он стал мне очень дорог.

Поезд набирал скорость, но, находясь уже далеко от города, я всё ещё видела пламя, которое выстреливали в чёрное небо трубы завода, освещая холмы Аллегени. Теперь Аллегени держит в заточении всё самое мне дорогое — и возможно, навсегда! Я

планировала покушение вместе с Сашей, я позволила ему уехать одному, я согласилась с его решением отказаться от адвоката. Как я ни старалась избавиться от чувства вины, оно всё же не давало мне покоя, пока я не забылась сном.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 17 апреля 2025 03:41:32

██████████ ██████████ обновил 17 апреля 2025 03:41:48